

© 2014 г.

С.Б. КРИХ. Образ древности в советской историографии. М.: КРАСАНД, 2013. 320 с. (Размышляя о марксизме)

Монография С.Б. Криха охватывает всю советскую историографию древности, достаточно кратко рассматривается и постсоветский период. Во Введении автор постулирует объект (советская историография истории древнего мира) и предмет (образ древности) своего исследования, отмечает, что «усиление интереса к историографическим штудиям – признак неуверенности историков в развитии собственной науки, стремления найти возможности для ее дальнейшего развития через осознание достижений и ошибок, совершенных ранее» (с. 5).

В главе I «Принципы марксистского историописания» С.Б. Крих рассматривает трансформацию идей Л.Г. Моргана К. Марксом и Ф. Энгельсом, а также историю семьи и возникновение государства в изложении Энгельса. Интерес представляет анализ текста «Происхождения семьи, частной собственности и государства». Вообще, автор решительно переосмысляет воздействие Ф. Энгельса на становление марксистского историописания; С.Б. Крих отмечает, что Маркс и Энгельс не делали акцента на древней истории, Ленин и Сталин касались этих эпох лишь случайно. Поэтому именно древность показательна как для характеристики возможностей самой теории к эволюции, так и для характеристики образа мыслей советских историков (с. 6–7). Для характеристики господствовавших в СССР взглядов автор, на мой взгляд, совершенно справедливо использует термин «советский марксизм», обосновывая его употребление (с. 8). Эта разновидность марксизма имела специфические черты: «В самом деле, советский марксизм – специфическое поле, в котором творчество часто реализовывалось с помощью умения прикрыться цитатами; догматизм же в его полном смысле слова был невозможен – по факту периодической смены догм» (с. 22). По этому поводу стоит разве что отметить, что в советское время цитатами из классиков вынуждены были прикрываться не только марксисты.

Глава II, посвященная формированию образа древности в советской историографии 20–30-х годов XX в., состоит из четырех разделов. Сначала автор рассматривает складывание элементов образа древности в советской исторической науке 20-х годов XX в.: обращается к трудам А.И. Тюменева, которые знаменовали первые попытки создания образа древности в советской историографии, анализирует первую (конца 20-х – начала 30-х годов) дискуссию об азиатском способе производства.

Во втором разделе рассматривается роль В.В. Струве в создании образа древности в советской историографии. Автор подверг тщательному анализу как объем и структуру знаменитого доклада В.В. Струве «Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ Древнего Востока», прочитанного в ГАИМК в Ленинграде 4 июня 1933 г., так и основные идеи доклада. Наиболее яростным оппонентом Струве выступал Н.М. Никольский (с. 106–108). По мнению С.Б. Криха, вклад В.В. Струве (и вдохновлявшего его А.Г. Пригожина) в марксистский образ древности, ставший догмой для советских историков, был очень велик. Общий вывод автора совершенно справедлив, но с деталями можно поспорить¹. «Вероятно, Струве лучше Мишулина чувствовал, что власть начала утрачивать чисто революционные ориентиры в сторону традиционно-патриотических», – отмечает

¹ «В 1938 г. в передовице самого первого номера журнала “Вестник древней истории” А.В. Мишулин, затеявший тогда наступление на ленинградских историков...» (с. 110). Самый первый номер ВДИ вышел все-таки в 1937 г., а противостояние московских и ленинградских историков не следует преувеличивать: ВДИ под редакцией Мишулина печатал очень много статей ленинградских историков древности. Другое дело, что и Струве, и Мишулин были также и функционерами от науки. И в этом качестве им было что делить: и власть над научным сообществом, и деньги (гонорары от издания учебников). Впрочем, договариваться они тоже умели.

автор (с. 110–111, прим. 177). Возможно, что и так; впрочем, Мишулин очень быстро перестроился и фактически возглавил изучение древней истории в Москве.

Третий раздел посвящен теории «революции рабов», которая на десятилетия стала обязательным элементом образа древности в советской науке. По мнению автора, теория «революции рабов» появилась не только в результате «сигнала от власти», но и в результате внутренней логики становления образа древности в советской историографии (с. 117). В книге подробно рассматривается история развития этой теории. Толчком к распространению теории послужила речь Сталина, произнесенная им в феврале 1933 г. на съезде колхозников-ударников (с. 119). А.В. Мишулин постоянно подчеркивал влияние речи Сталина на его работы о Спартаке (с. 121). Идею революции рабов не придумал ни С.И. Ковалев, ни А.В. Мишулин. Она внедрялась еще А.Г. Пригожиным: в 1934 г. ГАИМК издал специальный сборник о революции рабов; С.А. Жебелев выдвинул теорию о восстании Савмака еще до речи Сталина (с. 120–123).

В четвертом разделе рассматривается завершение формирования образа древности в исторической науке второй половины 30-х – начала 40-х годов XX в. Этот этап характеризуется увеличением числа цитат из трудов классиков марксизма, внедрением особых, жестких, методов полемики, насыщением теории историческим материалом, а также частичным возрождением позитивистского нарратива (с. 137).

Соглашаясь с автором в целом, могу усомниться разве что в деталях. Настоящей дискуссии на страницах ВДИ в 1938 г. между А.В. Мишулиным и В.В. Струве (с. 135–136), конечно же, не было. По канонам того времени передовица Мишулина и «вспомогательная передовица» Струве могли разве что дополнять друг друга. Однако это, конечно же, не исключало скрытой полемики².

К концу 30-х годов в советской древней истории складывается особый канон, сложившийся окончательно после издания «Краткого курса истории ВКП(б)» в 1938 г. «Кроме россыпи отдельных малозначащих цитат (попытка их систематизировать: ВДИ. 1949. № 4. С. 3–14), до 1950 г. Сталин существенных изменений в эту систему взглядов не вносил. Тем самым те историки, кто сумел или успел приспособить свое творчество к новым условиям, не будучи сметенными последовательными сталинскими «чистками», могли быть уверены в том, что достигли желаемого единства в основных мнениях, и это было сигналом нового этапа. Это был классицизм по-советски, ортодоксальность по-советски» (с. 139). Поскольку этап становления советской науки был пройден, отношение к дореволюционной науке стало уважительным, но снисходительным (с. 140).

Глава III «Советский образ древности в классическом воплощении: труды А.Б. Рановича и Н.А. Машкина» основана на анализе двух известных трудов: «Эллинизм и его историческая роль» А.Б. Рановича и «Принципат Августа» Н.А. Машкина. «Эллинизм и его историческая роль» рассматривается в противостоянии трудам М.И. Ростовцева. С.Б. Крих исследует критику А.Б. Рановичем труда М.И. Ростовцева, а также моделирование советским ученым образцового исследования. В рецензируемой книге подверглось рассмотрению влияние образа эллинизма А.Б. Рановича на последующую историографию.

В завершение главы автор анализирует книгу Н.А. Машкина о принципате Августа, а также основные черты образа древности, характерные для советской историографии 40-х годов XX в.

Глава IV «Е.М. Штаерман и трансформация образа древности в советской историографии» посвящена анализу работ выдающейся советской исследовательницы. Сначала автор рассматривает роль Е.М. Штаерман в дискуссии о переходе от античности к феодализму. «Начало 50-х годов в отечественной исторической науке – время возрождения дискуссий. Ортодоксальность в плане теории в сочетании со стремлением к тщательной проработке материала не могла не привести к новой постановке общих вопросов по истории древнего мира» (с. 190). Дискуссии на страницах ВДИ предшествовала серия статей о непосредственных производителях материальных благ с фактической проработкой материала. Эти статьи показали разнообразие вариантов зависимости в древнем мире (с. 190–191). После этого последовала дискуссия о характере перехода от античности к средним

² В посмертной славе А.В. Мишулину было отказано, возможно, не без помощи В.В. Струве; возможно, впрочем, и то, что в классики Мишулин не попал, поскольку не достиг требуемых высот ни по номенклатурной, ни по научной линии. В 9-м томе «Советской исторической энциклопедии», который вышел в 1966 г. и простирался от Мальты до Нахимова, он не отмечен, в отличие от своего многолетнего заместителя и друга старшего научного сотрудника Института истории А.Б. Рановича (т. 11. М., 1968, стб. 881–882), и от более известного ученого, зав. кафедрой истории древнего мира МГУ Н.А. Машкина (т. 9. М., 1966, стб. 207–208), который однажды временно исполнял обязанности главного редактора ВДИ вскоре после смерти А.В. Мишулина. В 1966 г. членом главной редакции СИЭ еще числился В.В. Струве.

векам (с. 192–205). Вопреки мнению автора, дискуссии этого времени были не столь уж продуктивны и, в сущности, еще больше сузили поле для последователей конвенциональной (обычной, неидеологизированной) науки. Стал навязываться не только подход, но и тематика исследований.

Второй раздел посвящен значению работ Е.М. Штаерман для теоретических исканий 60-х годов, третий трактует отношение исследовательницы к западной историографии, в четвертом показано значение трудов Е.М. Штаерман для изучения античной культуры, а в пятом анализируется последняя из дискуссий на страницах ВДИ, которую она инициировала и в которой приняла активное участие: дискуссия о возникновении римского государства. С.Б. Крих высоко оценивает значение Е.М. Штаерман в трансформации образа древности в советской историографии.

Глава V посвящена образу древности в постсоветской историографии. Автор считает, что «российская историография древности 1990–2000-х гг. является по ряду своих характеристик постсоветской. Это не означает, что не появляется новых тенденций и попыток по-другому написать историю, но при этом пока соблюдается превалирование советского наследия – не случайно пользуются такой популярностью переиздания учебников 1940-х гг. (т.е. советской классики) С.И. Ковалева и Н.А. Машкина» (с. 256).

В первом разделе рассматривается древность в концепциях исторического процесса, второй посвящен образу древности в современных российских школьных учебниках, а третий – современной российской историографии древней истории.

В Заключении автор подводит итоги исследования. По мнению С.Б. Криха, творческое развитие марксизма было отвергнуто советской наукой о древности. При этом догма о рабовладельческом обществе и революции рабов была не прямо продиктована властью, а под ее давлением создана учеными с дореволюционным прошлым (с. 307). Начиная с 50-х годов набирал силу процесс трансформации образа древности. Бегство от общепринятого образа древности в историю культуры в 80-е годы стало его завершающей фазой (с. 309–310).

Книга не снабжена списком источников и литературы, приложения содержат полезный справочный материал (изменения и дополнения во втором издании «Происхождения семьи, частной собственности и государства» Энгельса, структура основополагающей статьи В.В. Струве, оглавления книги М.И. Ростовцева, учебников по истории древнего мира). Именной указатель, к сожалению, отсутствует.

С.Б. Крих в своей книге описывает, прежде всего, борьбу идей и в гораздо меньшей степени – историю людей³. «Концептуальные» части его книги (а их большинство) вызывают интерес и доверие. С.Б. Крих – первый историограф советской науки о древности, которому удалось нарисовать целостную картину ее развития. Автор рассматривает советскую историографию древности стадийно (зарождение – «классический период» – трансформация). Складывание образа древности рассматривается как взаимозависимый процесс, при котором изменились и взгляды ученых, и сама марксистская теория: «Струве изменил себя, чтобы стать марксистом, но он изменил и марксово понимание древневосточных обществ с той же самой целью» (с. 308). Автору удалось показать, как этот образ был зафиксирован и в учебниках, и в классических трудах А.Б. Рановича и Н.А. Машкина. Важен вывод о быстром устаревании этих классических трудов, когда «К.К. Зельин отверг мнение об эллинизме как об этапе в истории рабовладельческого общества, а С.Л. Утченко заменил в теории кризиса Республики основной движущий механизм – с кризиса рабовладения на кризис римской *civitas*» (с. 309).

Периодизация, в целом, обоснована, хотя можно предложить считать расцветом период от середины 50-х до середины 70-х годов, когда влияние советской историографии в мировой историографии древности было наиболее заметным⁴.

Автор считает, что образ древности, присущий советским историкам, был в значительной степени результатом внутрицеховой эволюции. На уровне общей концепции такой вывод вполне возможен, но на повседневную научную работу советских историков и на их научные труды (монографии, статьи, рецензии) внешнее воздействие было значительно более значительным, чем предполагает автор. Недоучет внешних факторов (партийных постановлений, указаний руководящих органов и т.п.) приводит к ошибочным выводам. Примеров, когда С.Б. Крих отталкивается от общей концепции и недостаточно анализирует детали, впрочем, немного.

Остановлюсь на одном, который затрагивает рецензии на работы иностранных (западных) ученых на страницах «Вестника древней истории». С.Б. Крих пишет: «Тональность критики постепенно менялась. В послевоенный период интенсивность общей критики зарубежных ученых... начинается

³ Сам автор – сторонник «концептуалистской парадигмы» в историографии, хотя не отрицает значения и «антропологической парадигмы». См. об этом Крих, Метель 2014, 159–166.

⁴ Ср. Карпюк 2003, 30–35.

спадать, сводить к одной-двум стандартным фразам, а на место этого приходит изложение позиции. Процесс этот, правда, проходил, не без попыток обратного движения» (с. 221). И далее переходит к анализу рецензии А.Л. Кац с резким отзывом на рецензию П.Н. Таркова (ВДИ. 1953. № 1): «Указанный номер “Вестника древней истории” выходил с некрологом Сталина. Наступал период борьбы за власть в высших ее эшелонах, политические последствия которого были мало предсказуемы. Несложно подумать, что статья Кац озаглавлена точно как передовица журналов и газет при проведении крупных идеологических кампаний. Но при этом напечатана она в разделе критики и библиографии, касается все-таки частного вопроса, а потому оказывается не более чем страховкой редакции на случай, если власть вновь пойдет по пути “закручивания гаек”» (с. 221–222).

В действительности послевоенный «объективизм» советских ученых продолжался совсем недолго: он резко оборвался в конце 1948 г. в результате мощной пропагандистской кампании против низкопоклонства перед буржуазным Западом. «Неистовая ругань на западную науку», «уникальный, одновременно возвышенный и низко ругательный стиль» (с. 221–222) объяснялись просто: это были новые «правила игры», навязанные сверху. Никакой постепенной эволюции взглядов советских историков не было, и так называемые «рецензии-индульгенции», широко распространенные после 1948 г., имели ярко выраженную защитную функцию, причем это относилось как к редакции журнала, так и к самим авторам. С 1955 г., когда прессинг на науку уменьшился, подобные рецензии исчезают. Кстати, рецензия А.Л. Кац к реакции на смерть Сталина отношения не имеет, поскольку была анонсирована в передовице предыдущего номера ВДИ (1952. № 4).

Автору удалось «теоретические портреты» таких выдающихся ученых, как А.Б. Ранович и Е.М. Штаерман. Однако складывается впечатление, что автор рассматривает развитие советской науки, «примекаясь» исключительно к ученым самого высокого уровня квалификации. А ведь развитие советской науки о древности определяли не только они, но и рядовые труженики науки, которые пытались писать (желательно, не в стол) труды. Безусловно, это были ученые разного уровня, но, может быть, анализ их трудов позволит уточнить процесс развития советской науки о древности, показать преобладание «защитной» функции марксистских схем в трудах советских историков.

В связи с этим можно частично оспорить мнение С.Б. Криха о том, что «советские историки пытались найти точку соприкосновения, в которой адекватно понятый марксизм не будет противоречить их представлениям об истории» (с. 308). Часть советских историков использовала марксизм для самозащиты. Характерно, что даже в статье «классиков» советской науки о древности марксистский антураж вносился на самом последнем этапе: об этом неоспоримо свидетельствует посмертное издание статьи Н.А. Машкина⁵. Поэтому гораздо более значимым было использование советскими историками марксизма в период оттепели, когда идеологическое давление ослабло.

Все высказанные выше замечания не могут повлиять на общую высокую оценку этого своевременного и фундаментального исследования, которое, кстати, легко и с интересом читается. Монография С.Б. Криха «Образ древности в советской историографии» будет полезна не только специалистам по историографии и истории науки, но и историкам античности и древнего Востока.

Литература

1. *Карюк С.Г.* 2003: Общество, политика и идеология классических Афин. М.
2. *Крих С.Б., Метель О.В.* 2014: Две парадигмы в современной отечественной историографии // Вопросы истории. 1, 159–166.
3. *Машкин Н.А.* 1951: Городской строй Римской Африки // ВДИ. 1, 65–82.

С.Г. Карюк,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН

⁵ Машкин 1951, 65–82.